

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ  
ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ**  
**APPLIED ASPECTS  
OF INNOVATIVE ACTIVITY OF PERSONALITY**

УДК 159.923.3: 82.02

DOI [10.17150/2225-7845.2015.7\(1\).58-64](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2015.7(1).58-64)

С. К. Малахаева

*Байкальский государственный университет экономики и права,  
г. Иркутск, Российская Федерация*

**«РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ»  
КАК ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СУБЪЕКТИВНОСТИ:  
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС**

**Аннотация.** Автор на примере литературных текстов галантного века и века романтизма демонстрирует становление культурного феномена «романтической любви», показывает глубинную связь романтического дискурса с потребностями самоактуализации индивида и вызовами эпохи модерна. Инновационность модели «романтической любви» определяется ее ориентацией на индивидуальный выбор поиска партнера на основе чувств, что является противоположностью традиционным матримонимальным моделям.

**Ключевые слова.** «Романтическая любовь», влюбленный субъект, модерн, миф.

S. K. Malakhayeva

*Baikal State University of Economics and Law,  
Irkutsk, Russian Federation*

**«ROMANTIC LOVE» AS INNOVATIVE SUBJECTIVITY MODE:  
HISTORICAL AND CULTUROLOGICAL JOURNEY**

**Abstract.** The author on the example of literary texts of a gallant eyelid and eyelid of romanticism shows formation of a cultural phenomenon of «romantic love», shows deep connection of a romantic discourse with requirements of self-updating of the individual and calls of an era of a modernist style. Innovation of model of «romantic love» is defined by its orientation to an individual choice search of the partner on the basis of feelings that is contrast to traditional matrimonial models.

**Keywords.** «Romantic love», subject in love, modernist style, myth.

Данная статья является зарисовкой на тему социальных трансформаций, произошедших в Западной Европе в XVIII–XIX вв. Философский дискурс о модерне высвечивает, в первую очередь, изменения политической, социально-экономической, образовательной и других сфер, уже во вторую очередь, реализуя интерес к новациям в индивидуальной жизни людей, втянутых в многомерный социальный процесс. Тексты западноевропейского романтизма являются знаковыми для понимания социокультурных и мировоззренческих трансформаций в интимной сфере. Феномен «романтической любви», который создается усилиями романтиков, позволяет, на наш взгляд, увидеть постепенные трансформации в межличностной коммуникации, которые характерны для

Европы, переживающей переход от «старого порядка» к «современности», от преимущественно устной культуры к письменной, от традиционных брачных моделей к индивидуальному выбору партнера, обусловленному прежде всего чувствами.

Главная функция романтического текста по Ф. Шлегелю – творение мифа [1, с. 62]. Миф о «романтической любви», который самозабвенно создавался романтиками в процессе жизнетворчества, по сути, является моделью поведения, не характерной для большинства представителей своего времени. Однако глубинное соответствие индивидуальным потребностям нарождающейся прослойки интеллигенции, которая транслировала код романтических страстей в литературных произведениях, в художественном ис-

кусстве, сделало эту модель привлекательной и ценной для всего общества в целом.

Миф в романной форме действует так тонко именно согласованности семантики и синтаксиса. Романная форма переживания романтической любви позволяет соединить в одном тексте самописание субъекта, в котором он (из)обретает свою индивидуальность, рефлексию над чувствами, которые становятся ценными по факту их наличия, мифологическое возвышение любовного объекта и лирический диалог. Э. Гидденс отмечает, что в индивидуальную жизнь была привнесена повествовательность, существенно расширившая рефлексивность возвышенной любви; да и сама повествовательность стала индивидуализированной, безотносительной к социальному контексту [2].

Роман и как литературный жанр нового формата, который был заложен «Новой Элоизой» Ж. Ж. Руссо, и как любовное переживание — это что-то совсем иное, находящееся в стороне от обыденности, это отдельная реальность, миф, создаваемый творящим субъектом, романтиком. Поэтому мы считаем, что «романтическая любовь» — это не чувство само по себе, а комплекс культурных установок в отношении любви, влюбленного субъекта, который реализуется в повествовательной, романной форме, в виде внутреннего монолога, лирических зарисовок и так далее.

Влюбленный субъект (субъект «романтической любви», который реализует этот комплекс установок) есть одна из многих форм субъективности, посредством которых актуализируется индивидуальный потенциал взаимодействия с другим человеком, влюбленный субъект маркирует собой динамику специфического характера, а именно отношение человека к самому себе через отношение к Другому. Это отношение к другому понимается к тому же как претендующее на чистоту от каких-либо посторонних «идеологических» и дискурсивных примесей. Данная форма субъективности до сих пор старается сохранить статус наивного феномена и претендует на истинность и трансцендентальность маркируемого им любовного опыта не смотря ни на что.

Это создает интересный эффект: ценность любовных отношений и переживаний настолько велика, а уровень рефлексии настолько низок, что именно этот аспект индивидуального бытия все больше попадает во внимание технологов социальной инже-

нерии, которые стараются использовать дискурс влюбленного в качестве проводника различных мифологем и идеологем в текстах массовой культуры — сериалов, мелодрам, женских романов, парапсихологической литературы, «ванильного» контента в социальных сетях ит.д.. Именно поэтому необходим историко-культурологический экскурс, позволяющий рассмотреть проблему «романтической любви» в контексте тех изменений, которые произошли в обществе с времен формирования этого мифа.

В европейском модерне можно выделить две основные парадигмы (вектора) понимания и переживания любви. Эти парадигмы обусловлены глобальным противостоянием классического рационального и романтического мистического отношений к миру, и маркируемых ими типов сознания, которые проявляют себя не только гносеологически, но и онтологически: классический и романтический типы сознания в гносеологии соотносятся с рефлексивным и нерефлексивными методами познания, в психофизиологии коррелируют соответственно с левополушарным и правополушарным типами мышления. Таким образом, в европейском модерне конституируется два влюбленных субъекта: романтический и рациональный, которые находятся в постоянном диалектическом противостоянии.

«Романтическая любовь» как один из основополагающих элементов ментальности модерна, т.е. современной, «новой» западной культуры, не является открытием романтизма. Идеал романтической любви возник в западной культуре в средние века. Впервые он появился в легенде о Тристане и Изольде, а затем в любовной лирике и песнях трубадуров и миннезингеров.

Р. Джонсон, психолог-юнгианец, исследуя миф о Тристане и Изольде фиксирует корреляцию между осознанием себя как светского субъекта, характерным для рыцаря и появлением феномена «возвышенной любви» [3]. Медленный процесс секуляризации, начавшийся примерно в то же время провоцирует светского индивида на выработку новых паттернов самоосуществления, среди которых большую роль играет куртуазная любовь, помогающая актуализировать внутреннюю фемининность в патриархальной культуре. Он утверждает, что в романтической любви смешивается образ анимы, фемининной части мужской души, с реально существующей

женщиной. Символический смысл любовного переживания заключается в том, что сверхъестественный мир через проекции анимы вторгается в мир обыденный. Он объясняет феномен возникновения романтической любви и широкого ее распространения в западной культуре именно переносом религиозного экстаза, появляющегося, когда субъект ощущает внутреннюю целостность с миром через свою аниму, на земную любовь к женщине. Этот перенос религиозного чувства на человека создает эффект особой возвышенной, идеализированной, исключительной любви, которая тем не менее именно по этим же причинам недолговечна и возможно даже опасна. Мистическое любовное переживание контрастирует с рационалистичной концепцией любовных взаимоотношений, которое характерно для галантного века.

Знаковым для этой концепции текстом является роман в эпистолярном жанре «Опасные связи» Шодерло де Лакло, французского офицера-артиллериста, вышедший в свет в 1782 г. Роман, безусловно, принадлежит галантной эпохе и фиксирует на наш взгляд начальное, то есть пре-модернистское, положение влюбленного субъекта. Несмотря на характерный для той эпохи акцент на моральной стороне любовных отношений, сделанный в предисловии редактора, что есть попытка мимикрировать под роман нравочений, это либертенский текст. Он четко разделен на множество нарративных фрагментов — писем, сконструированных в соответствии с тем, кто является «автором» данного письма. Тонко регулируется семантика и синтаксис фрагментов, чем и создается эффект множественного присутствия субъектов в тексте. Это и было основой скандально успешной мистификации де Лакло, который в начале скрыл факт сочинительства и выдал письма за настоящие. Необходимо, однако, отметить, что при более внимательном чтении выделяется три основные метафигуры, которые конструируются автором — фигура добродетели, фигура невинности и фигура либертена, мотивы которых, переплетаясь, создают эффект настоящих писем, и настоящих чувств.

Властные позиции, безусловно, занимает фигура либертена, в лице таких героев как маркиз де Вальмон и госпожа де Мертей. Рационалистичность взглядов и на любовь в том числе, интеллектуализм, владение техниками обольщения, ирония и динамичность

мышления, мгновенная интерпретация состояния Другого, имморализм и особого рода бесстрастность, ориентированность на телесные наслаждения, активность, отказ от поиска трансцендентных ценностей в любовном переживании характеризуют фигуру либертена в данном тексте.

Влюбленный субъект здесь формируется фигурами добродетели и невинности. Это шевалье Дансени, Сесиль де Воланж, президентша Турвель. Бросается в глаза особая феминизированность влюбленного субъекта, его восхитительная пассивность по отношению к миру вообще. Невинность, чувствительность, нереклексивность, готовность жертвовать, безыскусность и доверие к Другому, импульсивность, неспособность противостоять манипулятивным ходам, искренность в выражении чувств, страстность составляют комплекс характеристик влюбленного.

Влюбленный сентиментален. Либертен рационалистичен. Либертен таким образом, не может быть влюбленным субъектом, это совершенно другой жизненный этос. Либертен может играть роль влюбленного, что будет еще одной техникой в игре власти-знания. Хотя автор и создает коллизию ломки субъекта-либертена в конце романа под натиском внутренней потребности в любви. Однако эта ломка приводит к смерти, а не перерождению субъекта в качестве влюбленного. Быть влюбленным означает отказаться от себя прежнего ради нового. Либертен не склонен к трансцендированию, он осознает конечность тела и конечность жизни. Обрисовывая две стратегии любовного переживания либертинажа и влюбленности де Лакло впервые их осознанно противопоставляет.

Мистическая романтическая концепция любви переосмысливает куртуазный идеал, в результате чего появляются тексты, в которых романтическая любовь осознается как преодоление всех границ — тела, морали, всех социальных и религиозных установлений и запретов. «Вертер» Гете, «Люцинда» Ф. Шлегеля. Трансценденция входит в реальность чувственно-эмоциональной жизни. Романтическое стремление к обретению мистической связи с божественным и переживанию этой целостности проецируется на отношение к конкретному индивиду. Мир души и духа, переполняющая энергия религиозных переживаний души внезапно вторгаются в обычный мир человеческих отношений. Все, чего

индивид страстно желает, видение конечного смысла и целостности, внезапно открываются в образе иного человеческого создания. Происходит «моментальное открытие», «кристаллизация», психологический акт, состоящий в том, что инстинктивное стремление к целостности полностью проецируется на объект любви.

Магические чары любовного переживания несут в себе это невероятное превращение человеческих инстинктов и моментальное перераспределение и перенаправление эмоционально-чувственной энергии. Влюбляясь, индивид верит в то, что найден конечный смысл жизни, открывающийся в существовании другого человека. Найдя свою недостающую часть, он ощущает целостность и полноту. Поэтому он сам ощущает себя отныне целостным субъектом, способным к проживанию истинной жизни. Ему кажется, что жизнь стала наполненной сверхчеловеческой энергией, поднимающей в недостижимые выси над обычным земным существованием. Такая недостижимость является для него верным признаком «истинной любви». Психологическая целостность включает в себя бессознательное требование, чтобы возлюбленный обязательно и постоянно вызывал у него эту интенсивность чувств и восторг. Когда субъект ощущает, что им овладела любовь, что он находится во власти некой избыточной силы, он открывает заново свою жизнь, духовно связанную с миром. Поэтому, как только он в кого-то «влюбляется», мир становится настолько ярким и наполненным множеством смыслов, что любая повседневная мелочь приобретает трансцендентальный оттенок. Поэтому, когда «влюбленность» проходит, мир сразу становится мрачным и пустым, несмотря на то, что мужчина и женщина остаются теми же человеческими существами, которые совсем недавно испытывали этот восторг. Иными словами, субъект некоторое время действительно верит в то, что простой смертный может сделать его жизнь целостной, осчастливить его, придав жизни ощущение значимости, интенсивности и экстаза. Таким образом, во всех перипетиях романтической любви является стремление субъекта к единению с миром через объект любви. Более того, можно отметить, что любовь трактуется как единственный смысл жизни, с исчезновением которого нивелируются вся ценностная панорама субъекта.

В итоге в романтическую эпоху любовь является универсальным способом проживания жизни.

В романтической любви силен компонент страдания, которое в то же время есть путь к преодолению ограниченности индивидуального бытия. Изначально маргинальный компонент для куртуазной любви, страдание в романтизме становится магистральным способом искупления грехов. Поэтому присутствует сильный религиозный субстрат в духовном возвышении влюбленного и страдающего субъекта. Он приобретает знание о несовершенстве мира, которое не столько рационально, сколько вписано в его телесный опыт отчуждения и единения с бытием. Через всепоглощающее чувство любви к Другому субъект постигает собственную отдельность и одиночество, но в то же время он находит внерациональную основу единства людей. Он понимает, что люди по сути своей одинаковы в своем одиночестве и боли. Гельдерлин пишет «Мы просто знак, без значений/ Без боли и речь свою/ На чужбине почти забыли мы» [8, с. 225]. Боль оставляет шрамы, создает память тела. Знаки знания, нанесенные болью, противопоставляются логосу. Только опыт может быть истинным знанием, приходим мы к выводу вслед за романтиками. Встреча с болью и одиночеством — это и есть встреча с самим собой, вне пространства и времени, встреча, которая возвращает нас к архаическому типу мировосприятия, где моя боль и боль мира едина и безмерна. Другой не может помочь, он так же одинок и бессилён уничтожить границу экзистенции. Основой преодоления одиночества может стать только нежность, которую можно определить как мгновенное узнавание в Другом самого себя. Субъект, переживший любовь — страдание навсегда заклеивает осознанием полного одиночества и возможным опытом единения с миром на основе нежности. Экзистенциальный смысл любовного переживания — в возвышении и единении с миром через страдание. Однако, страдание безмерное может привести к последнему рубежу, который осознается романтиками и ожидается ими как абсолютная трансформация.

Смерть в мифе о романтической любви играет важнейшую роль. Как и вообще смерть в романтической мифологии. Так как без символической легитимации образа смерти смысловой универсум остается

неполным, уязвимым. Смерть есть абсолютная маргиналия в переживании реальности, именно поэтому тематика смерти и мертвых, в частности любимых мертвых особенно занимает романтиков. Начиная с архетипических фигур Тристана и Изольды истории романтической любви трагичны. Смерть становится безусловным символом трансформации и свободы. В романтизме эта традиция продолжается, дополненная декадентским самолюбованием страдающего и разочарованного субъекта, готового ради единения с любимой разрушить весь мир. Таков, например, Хитклиф в «Грозном перевале» Эмили Бронте. Кэтрин, его возлюбленная есть для него все, так же как и о для нее. В знаменитой сцене признания Кэтрин произносит сакраментальное «Я есть Хитклиф», утверждая сущностное единство, сверхъестественную волю к друг другу, сметающую любые границы, вплоть до тех после которых не возвращаются. Демоничность и имморализм романтической любви становится символом ее свободы. Характерно проявление имморализма в данном случае: герой абсолютно оправдан, поскольку он действует под влиянием момента искренности. Фигура Хитклифа есть доведенная до абсолюта фигура романтического героя, в котором чувству любви, придающему смысл жизни, имманентно присуще демоническое равнодушие по отношению ко всему, что не есть объект этой любви. Это смешение святости и демонизма любви дает ощущение перспективы его деяниям. Святость любви переосмыслена Эмили Бронте. Точность этого переосмысления тем более ценна, чем молода и невинна была она сама. Она уловила двойственность и демонизм любви, даровав культуре еще одну архетипическую пару романтических влюбленных Кэтрин и Хитклифа.

Таким образом, любовь — чувство, посредством которого человек впервые познает собственную отдельность, как производную от единства с другим — в романтизме становится ценностью и добродетелью сама по себе. Романтизм возвышает любовь, как святыню, которая в то же время провоцирует человека на переступание границ дозволенного. Неотделимость святости от неотвратимого «осквернения» для достижения высшего также очень четко вписывается в структуру внутреннего самоосуществления: только герой, нашедший в себе свое Я, спо-

собен на поступок, попирающий моральные устои конкретного общества для восстановления некоей божественной морали. Эту связь заметил В. М. Жирмунский, который в своей работе «Немецкий романтизм и современная мистика» [4] говорит о формировании культа наслаждения наряду с культом героя. Через любовь и наслаждение герой получает возможность наиболее полно осуществить проект освобождения. «Никакое другое чувство не дает удовлетворения, ни одно духовное наслаждение не утоляет нашей жажды. Только здесь объединяются все радости и блаженства, разбросанные во всей нашей жизни... Мы тонем в сладострастии и высокие, шумящие волны низвергаются на наслаждения нас, и тогда мы лежим в бездне наслаждения, оторванные от этого мира и от себя самих» [5, с. 43]. Стремление к бесконечному наслаждению, прежде всего и во что бы то ни стало, связано с переступанием через границы обычно дозволенного, с тем, что в последствии разрабатывается в романах Бальзака и Достоевского, а после и в модернистской литературе. Острую сексуальность вводят в мифологический универсум образы чистоты идеализированной женственности, подвергающейся осквернению и подчинению с одной стороны и изначальный демонизм женской природы, которая сама стремится к господству с другой.

Остается еще один аспект в мифологизации романтиками темы любви. Ценность любовного переживания так высока, что появляется особый социальный феномен романтической влюбленности, как своеобразного ритуала, самовоспроизводящегося по лекалам «романтической любви». «Романтическая любовь» обрастает симулякрами, знаками, в которых отсутствует значение, или которые отсылают к совсем другим означаемым. Это особый феномен, который описан Хосе Ортега-и-Гассетом, в его критике эссе «О любви», написанной Стендалем и теории «кристаллизации», выдвинутой последним.

Понятие кристаллизации — метафора, введенная Стендалем для описания периода зарождения любви. «В соляных копиях Зальцбурга в заброшенные глубины этих копеей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя ее извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами; даже саамы маленькие веточки, не больше лапки синицы, украшены бесчисленным

множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать. То, что я называю кристаллизацией, есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами» [6, с. 16].

Ортега-и-Гассет утверждает, что в основе человеческой любви лежит стремление спасти объект любви, не восхищаться, не ласкать, не удерживать возле себя, а именно «упорно настаивать на его существовании; отвергать такое устройство мира, при котором этого объекта могло бы не быть. Заметьте, однако, что это, по существу, то же самое, что непрерывно вдыхать в него жизнь, насколько это доступно человеку — в помыслах. Любовь — это извечное дарение жизни, сотворение и пестование в душе предмета любви». Кристаллизация же совершенств, которая вызывает у индивида желание обладать объектом, становящимся именно вследствие этой мыслительной операции желанным — есть не что иное как «быть влюбленным». Поэтому испанский философ разводит понятия «любить» и «быть влюбленным».

Концепция кристаллизации, несомненно, описывает реальный феномен предшествующий любовной истории — это романтизация объекта, возвышение его до божественных пределов. Вслед за первой кристаллизацией у Стендаля следует вторая, которую он называет «она меня любит», и характеризующаяся бесконечным дискурсом вокруг объекта любви, включающим в свое пространство весь жизненный мир субъекта. Все, исключительно все рассматривается с этих пор с точки зрения любовного переживания. Стендаль вводит так же понятие «воображаемого разрешения: только воображением вы уверены, что данное достоинство существует в женщине» [6, с. 25]. Это техника дистанцированного познания объекта, характерной для периода до физической близости, состоящая в том, что субъект конструирует как объект любви, так и самого себя, как любящего этот объект. Стендаль говорит именно о таком феномене любви, которое есть некая форма ритуального конструирования субъекта и объекта любви.

Стендаль обнаруживает специфический западный феномен субъективации через влюбленность. Ортега-и-Гассет говорит о любви, как общечеловеческой ценности, рожденной психологической и социальной

потребностью человека в единстве. Безусловно, с этой точки зрения любовь (или влюбленность, как предпочитает определить это чувство Ортега-и-Гассет), описанная Стендалем, кажется ложным чувством, иллюзией. Однако несмотря ни на что это есть опыт, который присущ современной культуре, облеченный в дискурсивность и нарративность, которая продолжает влиять на жизнь. И с этой точки зрения «романтическая любовь» реальна, как реальные идеи, овладевшие сознанием масс по Марксу.

Таким образом, говоря в наше время о любви, мы прежде всего говорим о специфически новоевропейском феномене современной культуры «быть влюбленным», «испытывать романтическую любовь», который по-особенному структурирует способность и потребность любви, характерную для всех индивидов. Стендаль одновременно прав и не прав, возможно, в этом виноват тот светский тон, характерный для либертенской французской традиции в вопросах любви. Любовь, как влюбленность, не так легковесна и конструируема, как он пытается описать. «Романтическая любовь» как инновационная модель субъективности противостояла традиционным моделям, что соответствовало требованиям трансформирующегося западного социума, ориентированного на создание гражданского, правового, экономического субъекта, который мог взять ответственность не только за социальный процесс, но и собственную жизнь.

В конце XX века Э. Гидденс сформулировал тезис о появлении новой формы любовных отношений, обусловленных сексуальной революцией, которую он назвал «конфлюэнтная любовь» в противовес романтической любви. Конфлюэнтная любовь по Гидденсу — это текучая, преходящая любовь, основанная на сексуальном притяжении субъектов, которые, однако, не наделяют друг друга качествами единственного и неповторимого, но скорее склонны наслаждаться самими отношениями как фактом события жизни здесь-и-сейчас. Продолжительность отношений определяются только готовностью субъектов поддерживать ее, поэтому ничто кроме влечения и желания партнеров не обеспечивает их прочность. Это новый этап развития интимных отношений, релевантный новым формам субъективности, которые отвечают вызовам новой эпохи постсовременности.

### Список использованной литературы

1. Апресян Р. Г. Идеал романтической любви в «постромантическую эпоху» / Р. Г. Апресян // Этическая мысль. Вып. 6 / отв. ред. А. А. Гусейнов. — М. : Ин-т философии РАН, 2003. — URL : <http://iph.ras.ru/page50251841.htm>.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. — СПб. : Питер, 2004. — 208 с.
3. Джонсон Р. Мы. Глубинные аспекты романтической любви / Р. Джонсон. — М. : Когито-Центр, 2005. — 91 с.
4. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / В. М. Жирмунский. — СПб. : Аксиома-Новатор, 1996. — 232 с.
5. Ортега-и-Гассет Х. Этюды о любви / Х. Ортега-и-Гассет. — URL : [http://modernlib.ru/books/ortegaigasset\\_hose/etyudi\\_o\\_lyubvi/read/](http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/etyudi_o_lyubvi/read/).
6. Стендаль Ф. О любви / Ф. Стендаль. — СПб. : Азбука-классика, 2007. — 167 с.
7. Шлегель Ф. Речь о мифологии / Ф. Шлегель // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. — С. 62–65.
8. Holderlin F. *Samliche Werke* (Ausgabe Hellingrath) / F. Holderlin. — 4<sup>th</sup> ed. — Berlin, 1943. — 225 p.

### References

1. Apresyan R. G. Ideal of romantic love during «a post-romantic era». In Guseinov A. A. *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought]. Iss. 6. Moscow, Institute of Filosofiya of Russian Academy of Sciences Publ., 2003. Available at: <http://iph.ras.ru/page50251841.htm>. (In Russian).
2. Giddens E. *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Intimacy transformation. Sexuality, love and eroticism in modern societies]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2004. 208 p.
3. Johnson R. *Мы. Glubinnye aspekty romanticheskoi lyubvi* [We. Deep aspects of romantic love]. Moscow, Kogito-center Publ., 2005. 91 p.
4. Zhirmunskii V. M. *Nemetskii romantizm i sovremennaya mistika* [German romanticism and modern mysticism]. Saint Petersburg, Aksioma-Novator Publ., 1996. 232 p.
5. Ortega-and-Gasset X. *Etyudy o lyubvi* [Etudes about love]. Available at: [http://modernlib.ru/books/ortegaigasset\\_hose/etyudi\\_o\\_lyubvi/read/](http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/etyudi_o_lyubvi/read/). (In Russian).
6. Stendahl F. *O lyubvi* [About love]. Saint Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2007. 167 p.
7. Shlegel' F. The speech about mythology. *Literaturnye manifesty zapadnoevropeiskikh romantikov* [Literary manifestos of the West European romantics]. Moscow State University Publ., 1980, pp. 62–65. (In Russian).
8. Holderlin F. *Samliche Werke* (Ausgabe Hellingrath). 4<sup>th</sup> ed. Berlin, 1943. 225 p.

### Информация об авторе

Малахаева Светлана Карловна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной и экономической психологии, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: [smalahaeva@yandex.ru](mailto:smalahaeva@yandex.ru).

### Библиографическое описание статьи

Малахаева С. К. «Романтическая любовь» как инновационная модель субъективности: историко-культурологический экскурс / С. К. Малахаева // Психология в экономике и управлении. — 2015. — Т. 7, № 1. — С. 58–64. — DOI : [10.17150/2225-7845.2015.7\(1\).58-64](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2015.7(1).58-64).

### Author

Malakhayeva, Svetlana K. — PhD in Philosophy, Associate Professor of Social and Economic Psychology Department, Baikal State University of Economics and Law, 664003, Russian Federation, Irkutsk, Lenin Str., 11; e-mail: [smalahaeva@yandex.ru](mailto:smalahaeva@yandex.ru).

### Reference to article

Malakhayeva S. K. «Romantic love» as innovative subjectivity mode: historical and culturological journey. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii = Psychology in Economics and Management*, 2015, vol. 7, no. 1, pp. 58–64. DOI: [10.17150/2225-7845.2015.7\(1\).58-64](https://doi.org/10.17150/2225-7845.2015.7(1).58-64). (In Russian).